

В журнале «Этнографическое обозрение» № 1 за 1993 г. в разделе «Размышления о судьбах науки» опубликована статья И. С. Кона «Несвоевременные размышления на актуальные темы», в которой он, отступив от рассмотрения проблем этнологии (этнографии), подверг критике меня как ученого и человека. Он сообщил читателям, что в его «субъективном восприятии» я был «вслед за И. А. Крывелевым главным блюстителем идеологической чистоты в институте, особенно когда речь шла об отношении к „буржуазной“ науке». Для обоснования своего «субъективизма» он упомянул мою «рецензию» в «Вопросах истории» на Л. Н. Гумилева, о «разносом» характере которой якобы сокрушался Ю. В. Бромлей в каком-то частном разговоре. «Если бы Ученый совет, — заявил И. С. Кон, — всегда прислушивался к мнению В. И. Козлова, — боюсь, что у нас не вышло бы ни одной книги». Несколько досталось от И. С. Кона и уважаемому мною В. Н. Басилову, с которым мы вместе боролись против упомянутого И. А. Крывелева, но он, возможно, ответит ему сам. А мне представляется целесообразным, обращаясь главным образом к поколению этнографов, недавно вступившему в науку, дать пояснения.

Первое пояснение состоит в том, что моя «рецензия» (точнее — обзорная статья) на несколько статей Л. Н. Гумилева с изложением его концепции этногенеза, как знают все, имевшие к этому отношение, была написана с благословения Ю. В. Бромлея, который вел основную полемику с ним. Полемика эта носила сущностный, а не «идеологический» характер, ни Ю. В. Бромлей, ни я не критиковали Л. Н. Гумилева как «буржуазного» ученого. И от своего негативного мнения об основных положениях концепции Л. Н. Гумилева я не считал возможным отказаться даже в некрологе, посвященном его смерти (см. «Этнографическое обозрение», 1992, № 5). Вообще же, ссылаясь на устные слова покойного Ю. В. Бромлея представляется мне делом не этичным; в противном случае я мог бы привести его устное мнение об увлеченности И. С. Кона сексологией.

Второе состоит в том, что в теперешнее сложное время многие авторы, сильно причастные к коммунистической идеологии, а теперь сильно связанные с западными странами, стараются либо как-то «обелиться» сами, либо по возможности набросить тени на других, чтобы затеряться среди них. Я понимаю, что И. С. Кону, вошедшему в советскую науку книгой «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (М., 1959), хотелось бы очернить не понравившихся ему В. Н. Басилова и В. И. Козлова, чтобы сразу же заявить: «Только, ради Бога, не думайте, что я считаю себя лучше Басилова и Козлова». Действительно, все мы причастны к прошлому, и с таким заявлением можно было бы согласиться, если бы И. С. Кон вел себя иначе.

Скажу также, что мне понятно происхождение мнения И. С. Кона о моем возможном нехорошем влиянии на Ученый совет Института. Дело в том, что лет пятнадцать назад, когда И. С. Кон только появился в нашем Институте, он попытался получить одобрение Ученым советом его рукописи по сексологии, отвергнутой медицинским издательством, а я, кстати сказать, по просьбе председателя Ученого совета, того же Ю. В. Бромлея, ознакомившись с текстом рукописи, выступил с замечаниями. Речь шла не о чистоте идеологии и не о причастности И. С. Кона к «буржуазной науке», с которой он тогда боролся, а просто о том, что в его рукописи очень много внимания было уделено сексуальному поведению животных и очень мало — поведению людей с их этнокультурной дифференциацией. Ученый совет с моим мнением согласился, а И. С. Кон им пренебрег и затаил на меня обиду, которую и выразил теперь столь каверзным образом с нелепым обобщающим выводом.

И еще об одном, теперь уже не очень понятном мне обстоятельстве. Редколлегия журнала «Этнографическое обозрение» имеет, разумеется, право предоставить страницы журнала для высказывания о судьбах этнологической науки кому угодно, в том числе и автору, который хотя и числится сотрудником Института этнологии и антропологии, но годами фактически не работает в нем и остается довольно чуждым этой науке: показательно, что профессор И. С. Кон не подготовил здесь ни одного аспиранта. Но зачем же предоставлять ему возможность тиражированных домыслов на основе «субъективного восприятия»? Допущенная не так давно гласность была понята многими российскими журналами именно как возможность публичного оскорбления кем-то не понравившихся кому-то людей, но научные журналы не должны поддаваться такому поветрию. Мое позитивное участие в жизни Института достаточно известно, поэтому полагаю, что при публикации приведенных выше высказываний И. С. Кона был допущен досадный «просмотр» и что публикация моего ответа на них станет лучшим доказательством стремления редколлегии поддерживать истину.

Доктор исторических наук, профессор
В. И. Козлов

* Письма, поступающие в редакцию, не редактируются.